

ЛИДИЯ ВАРКОВИЦКАЯ

ту пору, в конце двадцатых годов, город Пушкин назывался Детским Селом.

Детское Село, расположенное на высоком, сухом месте неподалеку от Ленинграда, окружен-

ное тремя великолепными парками, казалось, самой природой было предназначено стать детской здравницей.

На одной из широких тенистых улиц там помещался санаторий-школа для туберкулезных детей.

Я часто приезжала туда навещать свою дочку. Иногда, бывая в Детском, я заходила и к Алексею Николаевичу Толстому. У меня, как редактора литературно-художественного отдела Государственного из-

дательства, всегда было какое-нибудь к нему спешное дело.

Впервые в ГИЗе издавалось собрание его сочинений, и очень опасно было на лишние сутки оставлять корректуру в руках такого безудержного «правщика».

Иногда, уже отослав гранки или листы в редакцию, Толстой внезапно появлялся в Ленинграде, запыхавшись (лифт частенько не работал), подымался на шестой этаж и начинал уговаривать меня или Илью Александровича Груздева выбросить на какой-нибудь седьмой странице все от первой до шестнадцатой строки, а вместо этого вставить вот это — и Алексей Николаевич подавал бумажку, где его крупным, красивым, удивительно четким почерком было написано несколько строчек, которые по техническим причинам ни в коем случае нельзя было уже вставить. Все же иногда удавалось невозможное. Ловили на полдороге курьерш, мчались в типографию, уламывали техредакторов.

...И вот как-то раз, беседуя в саншколе с ребятами, я, на свою беду, сказала, что хорошо было бы пригласить в гости Алексея Николаевича Толстого — он ведь так замечательно читает свои рассказы.

Эти слова были как искра, упавшая на сухой хворост. Меня стали усиленно уговаривать «закинуть удочку», то есть узнать у Толстого, примет ли он ребят, если они придут его приглашать.

Зная, как много работает Алексей Николаевич, как много у него всевозможных дел, я с опаской приступила к этому поручению. Но, к моей великой радости, Толстой, ни минуты не раздумывая, сказал:

— Пусть приглашают. Я еще попробую Вячеслава Яковлевича с собой привести.

Вскоре к Толстому направилась депутация из трех семиклассниц. Но, увы, они пришли не вовремя. Алексей Николаевич принимал ванну, а ждать девочки не могли, они торопились к обеду — дисциплина в саншколе была строгая. Конечно, Толстой мог бы через кого-нибудь из домашних передать, что он принимает приглашение, но Алексей Николаевич отлично понимал детскую психологию. Он знал, что ребятам необходимо

услышать ответ от него лично, иначе они будут глубоко разочарованы, и он нашел быстрый и простой выход. Делегацию попросили в коридорчик, к дверям ванной, и между писателем и детьми произошел через дверь вполне официальный и деловой разговор. В следующую пятницу, к семи часам тридцати минутам Толстой обещал быть в саншколе.

— Возможно,— сказал он,— что со мной придет и Вячеслав Яковлевич Шишков. Только пусть кто-нибудь за нами зайдет.

Меня просили зайти за писателем. Я согласилась.

...Погода в тот день была отвратительная. С утра валил густой мокрый снег. А пока я ехала до Детского Села и добиралась до саншколы, разыгралась настоящая метель.

В саншколе меня ожидала ужасная новость. Надо же было так случиться, что в этот самый день, на этот самый час, совершенно внезапно, в райздрав, на какой-то весьма важный, внеочередной доклад был вызван не только медицинский, но и весь воспитательский персонал школы. Кроме детей в санатории оставались только две нянечки.

Педагоги были вынуждены объявить ребятам, что вечер состояться не может. Надо просить Толстого, чтобы он пришел когда-нибудь в другой раз. Но тут поднялся такой вопль, такие жалобные стоны и негодующие возгласы, что взрослые капитулировали. Хорошо, пусть вечер состоится, только старшие школьники должны обещать образцово вести себя и следить за малышами.

И вот, наконец, все взрослые, к великому удовольствию ребят, удалились.

Пора было и мне идти за Толстым. Едва я вышла на улицу, как ветер чуть не свалил меня с ног. Снег слепил глаза. На тротуарах было так скользко, что пришлось идти по мостовой. Переходя бульвар недалеко от саншколы, я едва не попала под лошадь.

...В доме у Толстых не светилось ни одного окошка. На звонок никто не открывал. Я решила, что Алексей Николаевич у Шишковых, которые жили почти рядом, но и там мне сказали, что Толстой не заходил, а Вячеслава Яковлевича давно нет дома.

Я медленно возвращалась в саншколу, оттягивая минуту встречи с детьми. Я ясно представляла себе, с каким нетерпением они ждут писателей, как прихорашиваются девочки, как поминутно кто-нибудь подбегает к дверям: не идут ли гости... А мне предстояло вернуться и сказать: «Ничего не будет, вечер не состоится». Это было ужасно!

Оба здания саншколы были погружены во мрак. Светились только окна клуба, бывшей домово́й церкви. Должно быть, все ребята были уже там. В длинном коридоре, ведущем в клуб, было абсолютно темно и необыкновенно тихо. И чем дальше я продвигалась, тем более странной казалась мне эта тишина.

И вдруг я замерла. Ко мне ясно донесся знакомый, сочный, невозмутимо спокойный голос Алексея Николаевича.

Часто бывает так: где-то включено радио, слов не разобрать, но каждому на слух понятно, что идет передача для взрослых. Но вот голос диктора делается слащаво-приторным, неестественно проникновенным,— значит, началась детская передача. Как же читал Толстой? Прежде всего, не делая никакой разницы между детской и взрослой аудиторией.

Мне посчастливилось слышать, как он читал еще в рукописи свой «Золотой ключик». Чтение происходило на квартире художника Б. Малаховского, который иллюстрировал первое издание этой книги.

Алексей Николаевич сидел за большим обеденным столом, рядом с художником, который пробовал делать наброски будущих рисунков, но ему это плохо удавалось, потому что и он сам и все присутствующие безудержно хохотали. Не было никакой возможности не смеяться. Не смеялся один только автор. Выражение его лица было благожелательным и безмятежным. Он откладывал в сторону лист за листом, выпивал глоток другой вина и продолжал ровным, спокойным голосом повествовать о необыкновенных приключениях остроносого Буратино, прекрасной Мальвины, пуделя Артемона, лисы Алисы и кота Базилио.

Часы отзванивали час за часом, уже наступил рассвет, а мы, взрослые люди, сидели как очарованные и слушали детскую сказку. —

Толстой, читая, не очень повышал голос, не понижал его до шепота, не декламировал, не старался разжалобить или рассмешить. Он внятно, просто, очень тонко акцентируя, доносил свой великолепный текст до слушателя. И текст именно оттого, что Толстой ничего в нем не выпячивал, не подчеркивал, а подавал его просто, без нажимов, был понятней и доходчивей. У Алексея Николаевича как чтеца было еще одно великое достоинство — удивительно приятный бархатный тембр голоса. Голос этот всегда звучал красиво, свободно, непринужденно.

Таким он мне и послышался в темном коридоре саншколы. Стараясь идти как можно тише, я добралась до неплотно закрытых дверей клуба и заглянула в щелку.

На возвышении, где раньше был алтарь, за столом сидели Толстой и Шишков. Вячеслав Яковлевич, как я потом узнала, свою программу уже отчитал и теперь, как все остальные слушатели, был полон внимания и радости.

Старшие дети сидели на скамейках в зале, а малыши тут же возле стола на полу. И надо было видеть их лица. Они ясно выражали любовь к храброму Мите Стрельникову и глубокую ненависть к хулигану Васе Табуреткину.

«Тогда Митя вспомнил,— читал Толстой,— находчивость капитана Гаттераса, вспомнил, что ему, как председателю санитарной комиссии, члену учкома и секретарю стенгазеты, пятиться нельзя. Он схватил Хама за шиворот, не обращая внимания на вой и на острые когти, оттащил Снежка и швырнул его в окно на Ваську».

Тут слушатели, не сдержав восторга, захлопали. Ура! Ура!

«Обезумевший от злости кот,— читал Толстой,— вцепился Ваське в голову, и оба они покатались в глубину комнаты. Васька старался отодрать кота. Но не тут-то было. Хам царапался и кусался, плевал в лицо, рвал на Ваське рубашку».

Теперь все слушатели заливались злорадным смехом. Вместе с ребятами смеялся и радовался Шишков.

«И тогда весь двор с удивлением узнал,— ровным бесстрастным голосом сообщал Толстой,— что непобеди-

мый хулиган Табуреткин просто жалкий трус. Он метался и катался вместе с котом по комнате и орал громче всех.

— Ой!.. Спаси-иите! Бешшшшшшш кот!»

Я открыла дверь и шагнула в зал. Никто, кроме Толстого, этого не заметил, так громко все хохотали и хлопали в ладоши.

Алексей Николаевич прочел еще два отрывка из «Детства Никиты» и под веселый гром аплодисментов встал, дождался тишины и сказал:

— Мы с Вячеславом Яковлеви́чем благодарим вас за прием. Теперь вам пора спать, а нам — домой.

На улицу мы вышли вместе, и тут я узнала, что в экипаже с поднятым верхом, под который я чуть не угодила, переходя бульвар, сидели Толстой и Шишков. Они были уверены, что в такую погоду я за ними не зайду, — тогда они послали за извозчиком и велели везти себя в саншколоу.